

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.17-36>
EDN: DDBQJM

УДК 930.1

«ВЕЛИКИЙ И СУРОВЫЙ ОТЕЦ НАШ ЧИНГИЗ-ХАН»: «МОНГОЛЬСКОЕ НАСЛЕДСТВО» В ЕВРАЗИЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

В.Ю. Быстрыков

*Самарский государственный социально-педагогический университет
Самара, Российская Федерация
bystriykov@pgsga.ru*

Резюме. Цель исследования: анализ интеллектуальной эволюции оценки евразийцами роли монгольской государственности в становлении Московского царства. Материалы исследования: в статье использованы работы авторов, публиковавшихся в евразийских изданиях 1920–1930-х гг., как входивших в состав движения, так и симпатизировавших им на определенном этапе своей деятельности. Новизна и результаты исследования: Евразийская концепция, возникшая на стыке историософии и географии, представляла из себя системное видение нового континента – «России-Евразии». Идеологическим вектором нового движения стало антизападничество, катастрофа 1917 г. напрямую связывалась с господством европейской культуры в императорской России. Антизападническая установка как ключевая идеологема требовала, в первую очередь, исторических аргументов. Обращение евразийцев к теме влияния монголов на русские княжества было закономерным, поскольку монгольская эпоха полностью соответствовала этой идеологеме. Евразийцам следовало только обосновать и доказать положительное влияние державы Чингиз-хана на формировавшееся русское государство. Использование геополитического метода стало самой удачной находкой для решения этой задачи. Евразийцы более обозначали свои позиции, свое видение исторического процесса, нежели предлагали конкретно-исторические исследования по теме влияния монголов на развитие Московского царства.

Ключевые слова: Россия-Евразия, евразийское движение, евразийская идеология, монгольское наследство, П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Г.В. Вернадский

Для цитирования: Быстрыков В.Ю. «Великий и суровый отец наш Чингиз-хан»: «монгольское наследство» в евразийской концепции // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 1. С. 17–36. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.17-36>
EDN: DDBQJM

© Быстрыков В.Ю., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

**“OUR FATHER, THE GREAT AND STERN GENGHIS KHAN”:
THE “MONGOLIAN LEGACY” IN THE EURASIAN CONCEPT**

V.Yu. Bystryukov

Samara State University of Social Sciences and Education

Samara, Russian Federation

bystriukov@pgsga.ru

Abstract. The purpose of the article is to analyze the intellectual evolution of the Eurasians' assessment of the role of Mongolian statehood in the formation of the Muscovite kingdom. Research materials: The article uses the works, published in Eurasian publications of the 1920s and 1930s, written by authors who were both members of the movement and sympathized with it at a certain stage of their activities.

Novelty and results of the study: The Eurasian concept, which arose at the intersection of historiography and geography, represented a systemic vision of a new continent – “Russia-Eurasia”. Anti-Westernism became the ideological vector of the new movement; the catastrophe of 1917 was directly associated with the dominance of European culture in the Russian Empire. The anti-Western sentiment as a key ideologeme demanded, first of all, historical arguments. The Eurasians' appeal to the topic of the influence of the Mongols on the Russian principalities was natural, since the Mongol era fully corresponded to this ideologeme. The Eurasians only had to substantiate and prove the positive influence of the power of Genghis Khan's state on the forming of the Russian state. The use of the geopolitical method was the most successful approach for solving this problem. The Eurasians indicated their positions and their vision of the historical process more than they offered specific historical studies on the topic of the Mongol influence on the development of the Muscovite Kingdom.

Keywords: Russia-Eurasia, eurasian movement, eurasian ideology, Mongolian legacy, P.N. Savitskiy, N.S. Trubetskoy, G.V. Vernadskiy

For citation: Bystryukov V.Yu. “Our father, the great and stern Genghis Khan”: The “Mongolian legacy” in the Eurasian concept. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 1, pp. 17–36. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.17-36> (In Russian)

Историческое знание занимало важное место в евразийской концепции. Первые идеологические установки нового движения, прозвучавшие в работе Н.С. Трубецкого «Европа и Человечество» и сборнике «Исход к Востоку» носили ярко выраженный антизападнический характер. Евразия была обозначена как особый культурно-исторический мир. Этот тезис еще предстояло наполнить реальным содержанием и именно история должна была дать основные аргументы. После того, как была заявлена антизападная позиция и обозначены контуры нового континента, у евразийцев было несколько вариантов создания нового исторического мифа взамен «прорубленного окна» Петра I. Утверждение концепта «Евразия» как основной идеологемы делало невозможным использование националистических и славянофильских концепций, поскольку ни первые, ни вторые не соответствовали его культурно-историческому смыслу. Соответственно был нужен новый синтез, в котором славянские, тюркские и финно-угорские народы можно было объединить, сплотить в рамках новых подходов и идей.

Практически безальтернативным историческим событием, претендующим на основу новой идеологии, стало вхождение русских княжеств в политическую систему Монгольской империи. Постепенно идея о благотворном влиянии монгольского владычества стала краеугольным камнем не только исторической составляющей, но и всей евразийской концепции в целом. В связи с этим актуальным представляется вопрос о фактическом наполнении этой идеологии в евразийских текстах, о том, как евразийцы оценивали «монгольский этап» истории России, а также, насколько установка антизападничества влияла на использование методов, анализ и подачу исторических фактов.

Исследования последних лет заново поставили вопрос о составе участников евразийского движения и, следовательно, об относимости тех или иных текстов к евразийским. Безусловно, к ним относятся манифесты и программные документы, также важное место занимает эпистолярное наследие участников движения. Что касается авторов, то здесь необходимо разбираться с каждым в отдельности. Это задача облегчается тем, что первым историком у евразийцев стал Г.В. Вернадский, помимо него лишь немногие писали на конкретно-исторические темы.

Четверку основателей евразийства составили Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский и Г.В. Флоровский. Последние двое практически ничего не писали об эпохе монгольского владычества, поэтому их работы можно во внимание не принимать (с учетом того, что Г.В. Флоровский в 1923 г. фактически отошел от евразийства). Н.С. Трубецкой оставил несколько работ, посвященных «туранской» составляющей русской культуры, также выделим его книгу «Наследие Чингисхана». Характеризуя евразийскую литературу, П.Н. Савицкий писал, что в ней, несмотря на публицистическую форму, Н.С. Трубецкой очень убедительно представил процесс «замены ордынского хана московским царем» [21, с. 296]. После кламарского раскола Н.С. Трубецкой практически отошел от руководства евразийским движением и в 1930-е гг. опубликовал лишь несколько статей в евразийских изданиях. В отличие от него П.Н. Савицкий оставался лидером евразийства вплоть до его фактического исчезновения. Его работы составляют классику евразийской мысли, поэтому они станут важным источником в рамках исследуемой темы. Г.В. Вернадский примкнул к евразийству в первой половине 1920-х гг., а уже в 1927 г. переехал на постоянное место жительства в США. Тем не менее, в 1930-е гг. он опубликовал в евразийских издательствах несколько произведений. Мы не будем привлекать его работы 1920-х гг., изданных за пределами евразийских изданий, а также книгу «Россия и монголы», изданную в США в 1953 г. Несомненно, что она несет на себе отпечаток евразийской концепции, но она была создана для иных целей и иной аудитории. Есть также несколько авторов, публиковавшихся на страницах евразийских изданий, но фактически к евразийству не принадлежавших. В первую очередь, это П.М. Бицилли, С.Г. Пушкарев, М.В. Шахматов, Э. Хара-Даван. Поэтому мы будем использовать их работы с обязательными ремарками. Анализ источников позволит определить, какой смысл приобретала монгольская эпоха в трудах евразийцев, что именно представляло из себя «монгольское наследство».

Историческая концепция евразийцев всегда была объектом пристального внимания исследователей. Еще в 1920-е гг. представители либерального направления русской эмигрантской историографии негативно относились к антизападническим тенденциям в евразийстве. П.Н. Милуков критиковал

историческую концепцию евразийства и не признавал позитивного влияния монгольского ига на развитие русской государственности [23, с. 63–34]. Он указывал на то, что границы монгольской империи не совпадали с границами «Евразии», поэтому сложно проводить политическую традицию от скифов, сарматов и гуннов через монголов к Московской Руси и императорской России. Он признавал, что дружественные отношения московских князей с ханами Золотой Орды помогли возвышению Москвы, но сам процесс объединения был связан с внутренними процессами [23, с. 63]. А.А. Кизеветтер писал, что евразийцы «подлинную историческую действительность нам хотят подменить картиной какой-то трогательной русско-татарской идиллии» [16, с. 315, 318, 321, 322–326]. Он считал известным фактом «некоторую роль татарских образцов» в развитии русской государственности, но недостаточным для смелых евразийских выводов. «Теорию месторазвития» П.Н. Савицкого он называл «геополитической мистикой» [17, с. 342] и считал неуместными аналогии между походами в Венгрию хана Батыя в XIII в. и русской армии в XIX в. В советской науке евразийство практически не было известно, а если о нем и писали, то оценивали очень критично. В.Т. Пашуто, хотя и отмечал некоторые интересные идеи П.Н. Савицкого, его мысли о положительном влиянии монголов на Русь называл «домыслами» [25, с. 96].

Современная историография включает значительное число работ, в которых историческая концепция движения «размазывалась», смешивалась с остальными отраслями знания евразийского учения и их достаточно сложно разделить. М.Г. Вандалковская, рассматривая собственно историческую концепцию евразийства, абсолютно обоснованно утверждает, что вопрос о том, что конкретно привнесло монгольское иго России являлся одним из самых важных и спорных и что евразийцы отрицали или снижали уровень государственной организации в домонгольской Руси. Евразийцы считали, что в управлении и социальной сфере монгольское владычество привело к следующим новшествам: усиление княжеской власти, прикрепление всех классов населения к обязательной службе, использование финансовой, налоговой, судебной систем, ужесточение наказаний, структуру армии [5, с. 122]. М. Ларюэль отмечает, что Монгольская империя располагалась на перекрестке «истории-историософии» и «географической, степной идеологии». Это превращает её в символ, ключевой элемент, раскрывающий идеологию, смысл и миссию Евразии [20, с. 203].

Н.С. Трубецкой в своем анализе придал чертам Евразии системообразующую связь – «идеологию туранского типа», считает А.В. Антощенко [1, с. 129]. Н.С. Трубецкой не предполагал полной тождественности монгольского и московского государства, которое отличалось «православным бытовым исповедничеством». Это позволило отделить дух монгольской государственности от перенятых институтов и наполнить его новым идейно-религиозным обоснованием. А.В. Антощенко отмечает, что использование геополитического метода приводило П.Н. Савицкого к превращению исторических лиц в символы, в отрицании качественных различий исторических эпох. В «Начертании русской истории» Г.В. Вернадский анализировал развитие государства и установление политического контроля над территорией. В «Звеньях русской культуры» обращение к культурной жизни народа сделали «важные положения евразийской исторической концепции не всегда уместным довеском» [1, с. 214].

Р.Р. Вахитов указывает на совпадения в оценках значения «монгольского ига» для России у основателей славянофильства и основоположников евразийства. Но славянофилы исходили из гегелевской концепции «исторических» и «не-исторических народов», евразийцы же ее отвергали. Чингиз-хан создал модель государства, оптимально подходящую для евразийского месторазвития, неизвестную ни в Европе, ни в Киевской Руси – служилую идеократию. «Недаром служилая идеократия в той или иной форме неизменно воспроизводилась и в русской истории вплоть до эпохи СССР» [6, с. 61]. Другими достижениями монгольской государственности были модель «евразийского федерализма», когда центральная власть не навязывала своих «традиций» и «ценностных ориентаций» покоренным народам, и веротерпимость. Русь переняла многие черты финансовой системы и организацию ямской службы. Е.А. Куликов указывает на двойную природу «наследия Чингисхана». С одной стороны оно означало геополитическую преемственность в деле объединения Евразии, с другой – систему «власти и управления, система политических отношений, существовавшая в восточных государствах», основанную на «идее-принципе и о методах ее воплощения». Однако, переворачивая причину и следствие, он делает вывод о том, что «выявление такого рода фактора в отечественной истории привело, на наш взгляд, евразийцев к мысли о невозможности реформирования России по европейскому пути, обратило их взоры на Восток, следствием чего стало идеологическое оформление политико-правового учения евразийства» [19, с. 53]. В.В. Трепавлов считал, что бесспорные примеры заимствования присутствовали во взаимоотношениях Руси и Орды, но их наличие не является аргументом в пользу золотоордынского «наследия» или преемственности по отношению к Орде. А вот отношение к Московскому царству, как геополитическому наследнику Орды вполне находит исторические аргументы, в том числе и в восприятии народами Урало-Поволжья власти «Белого царя» [35, с. 7, 11].

Представленное количество работ не исчерпывает всего объема историографии. Можно выделить несколько десятков статей, в которых авторы просто пересказывают евразийскую точку зрения на монгольский этап истории нашей страны, без каких-либо попыток внутренней критики источников. В более серьезных работах такие попытки присутствуют, но иногда аналитичность изложения уступает «увлеченности» автора своим предметом исследования. Например, В.Я. Пашенко утверждает, что «проблема татаро-монгольского периода» в евразийской историософии имеет первостепенную значимость» и отмечает оригинальность, непохожесть идей евразийцев и истинность их выводов [26, с. 323]. Вслед за ним, О.В. Лушников считает евразийскую идею «исторически развивающимся комплексом идей», появившейся впервые в XVI в. в «предъевразийский период». «Монгольские реалии» стали образцом для практики государственного строительства на Руси и основ российского государственного аппарата. Так как природный мир «не может не тяготеть к политическому единству», Россия, обогащенная опытом «монгольского государственного строительства», стала новой силой способной объединить Евразию [22, с. 126].

В рамках заявленной темы было бы излишним углубляться во все богатство историографии работ отдельных евразийцев: Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого и Г.В. Вернадского. Несомненно, что там затрагиваются и их исторические взгляды, но тему монгольского влияния выделить и отдельно рас-

смаатривать представляется весьма сложным. Достаточно часто и некритично смешиваются взгляды евразийцев «классической» эпохи и Л.Н. Гумилева и невозможно в рамках одного текста понять, где автор опирается на работы последнего, а где – на П.Н. Савицкого или Н.С. Трубецкого. Периодически авторы самостоятельно находят подтверждение словам евразийцев или в работах других исследователей русского средневековья, например, Б.Я. Владимирцова, или в своих собственных построениях, считая, что это отражает истинное положение дел в исторической науке. Часто авторы ссылаются на работы Г.В. Вернадского, вышедшие уже в постъевразийский период его деятельности в США. Несомненно, что они несли на себе отпечаток евразийской концепции, но, создавались в иных условиях и источниками по истории евразийства считаться не могут. То же самое можно сказать о книге Э. Хара-Давана «Чингисхан как полководец и его наследие». Он был очень увлечен евразийством, но в состав движения не входил, и его книга, изданная на собственные деньги в Белграде, собственно к евразийским источникам не относится, а его статьи, изданные за пределами евразийских журналов говорят о том, что во многом он с ними расходился [4, с. 156–168]. Тем не менее, в существенном количестве работ, эти произведения неизменно присутствуют в списках литературы. Таким образом, в историографии проблема роли «монгольского наследства» России в исторической концепции евразийцев неоднократно поднималась и рассматривалась. Однако практически не затрагивался вопрос генезиса данной концепции в евразийской системе взглядов и не конкретизировалась методология, с помощью которой евразийцы находили подтверждение своим концепциям в пластах русской и евразийской истории.

Тезис о положительном влиянии монголов был записан во всех программных документах движения. В манифесте 1926 г. говорилось о «религиозно-культурной и национальной идее Москвы как наследницы Византии», но в то же время о державе Чингисхана, как о первой выразительнице евразийского культурного единства. Положив начало основам политического строя, монголы первые «формулировали историческую задачу Евразии, ориентирував на неё евразийские национальные государства и прежде всего московский улус» [13, с. 38]. Москва заступила на место монголов, приняв их культурно-политическое наследие. В следующих программных документах евразийства устанавливалась единая государственная традиция Евразии – держава Чингисхана и его преемников в XIII–XIV вв., московское государство и Российская империя (в 1932 г., в этот ряд был включен и СССР) [14, с. 3]. Все эти формы государства воплощали «развертывание евразийской культуры в истории российско-евразийского мира» [15, с. 7]. От монголов Россия унаследовала «телесную организацию» евразийской культуры. Ее сочетание с христианскими традициями Византии создало величие московской Руси «татарской по материи и византийской по духу» [15, с. 8].

Признаки нового прочтения исторических событий XIII–XV вв. у евразийцев стали оформляться постепенно. В первом сборнике «Исход к Востоку» авторы практически ничего не написали по этой теме. Во втором была опубликована работа известного историка-медиевиста П.М. Бицилли, привлеченного к работе по инициативе Г.В. Флоровского. Вопрос о непосредственной принадлежности П.М. Бицилли к евразийству является дискуссионным. Он не входил в организационные структуры движения и опубликовал только две статьи на страницах ранних евразийских изданий. Нам представляется верной

точка зрения М.А. Бирмана о сложном и неоднозначном отношении П.М. Бицилли к новому движению, и об ошибочности причисления его к евразийцам [2, с. 241–253]. Сам Н.С. Трубецкой в письме П.П. Сувчинскому называл его участие в евразийском сборнике каким-то недоразумением [38, с. 24].

Тезисы в статье П.М. Бицилли несколько отличались от евразийской концепции. На пространстве Старого света он выделял особый мир степняков – турок и монголов и обозначал определенные константы исторического развития. В политике ассирийских и вавилонских царей, Александра Македонского, монгольских ханов и российских императоров обнаруживалось стремление сосредоточить в одних руках торговые пути, соединявшие Запад и Восток. Это практически удалось воплотить в жизнь Чингисхану и Тамерлану, Россия выступает продолжательницей их исторической миссии, творчески осуществляя синтез западных и восточных культур. Впрочем, непосредственно «турано-монгольскую» стихию П.М. Бицилли считал бессодержательной и нейтральной. Россия ничего бы не смогла от неё получить, поэтому должна сосредоточиться на реализации своей «евразийской» миссии – быть связующим звеном для окраинных цивилизаций Старого Света [3, с. 337]. Таким образом, П.М. Бицилли представил свое понимание исторического процесса, в котором исторический путь народов определенным образом диктовался географическим расположением и предназначение Монгольской империи и России состояло в том, чтобы быть «мостиком» для окраинных цивилизаций Старого Света. Широкие исторические обобщения, создание традиций, чтение истории через географию показали возможности использования геополитического метода для поиска новой интерпретации взаимоотношений Запада и Востока. Об этом упоминал П.Н. Савицкий в начале 1930-х гг., когда писал о том, что стремление, выраженное в статье П.М. Бицилли, не иссякло в евразийстве [21, с. 288].

Уже в следующей статье в этом же сборнике П.Н. Савицкий писал об «эластичной массе кочующих степняков: турок и монголов, передающих культурные достижения неподвижным цивилизациям» [34, с. 341]. После этого небольшого реверанса в сторону П.М. Бицилли П.Н. Савицкий буквально ошарашивает своего читателя, беспелляционно заявляя: «без «татарщины» не было бы России». Доказывая этот тезис, он не только рассматривал положительные последствия монгольского этапа, но и критиковал политическую организацию Древней Руси. Он констатировал «политическое и культурное измельчание» в первой половине XI – начале XIII вв., что выражалось в удельной раздробленности, упадке материальных возможностей. П.Н. Савицкий выделял общую линию эволюции славянских народов (поляков, сербов, болгар, Киевской Руси) – расцвет, разложение, упадок и зависимость. Здесь он видел определенную закономерность, приведшую к установлению ига. У Руси было три варианта попадания в зависимость: турки, заразившиеся «иранским фанатизмом и экзальтацией», Запад, который был готов «вынуть душу» и татары. Положительные последствия установления ига состояли в сохранении духовного существа России, чистоты национального творчества, а также в переходе качества организации устойчивого государственного центра. Для эпохи XIII–XV вв. характерно развитие русской религиозной культуры, что было связано с «очистительным» влиянием «татарщины». Помимо этого, к русским перешло «монгольское ощущение континента», заключавшееся в особом ощущении «степей, гор, оазисов, лесов в сочетании с «безмерным дерзанием» [34, с. 345].

П.Н. Савицкий выдвинул именно «евразийскую» концепцию исторического развития России – как наследницы «Великих Ханов, продолжательницы дела Чингиса и Тимура, объединительницы Азии, сочетающую «оседлую» и «степную» стихии [34, с. 346]. Он писал о положительном примере монгольской государственности, в короткие сроки объединившей огромную часть Старого Света [32, с. 7]. Здесь уже не было места параллелям в развитии с другими славянскими странами и народами.

В дальнейшем основным историком у евразийцев стал Г.В. Вернадский, но П.Н. Савицкий также продолжал писать на исторические темы, характеризуя, в том числе, и монгольскую эпоху. Преемство с державой Чингисхана он видел в социальной истории: в эволюции тяглового строя, где нет настоящей частной собственности на землю и значение социальных групп определяется её отношением к государству. Но возникновение обязательного характера службы П.Н. Савицкий связывал с «социальной революцией» Чингисхана¹, а не с кочевыми традициями, хотя в другой работе он писал, что этот строй «глубоко коренится в историческом укладе кочевых держав» [31, с. 125]. В Московской Руси переход от «вольно-служилых» к «обязательно-служилым» отношениям осуществлялся более основательно².

Евразия, как особый географический мир, была предсоздана для образования единого государства [29, с. 259]. На основании геополитического подхода П.Н. Савицкий выдвигал традицию государственного строительства евразийских народов – скифов, гуннов, монголов и русских. Русское государство в большей степени было наследником кочевых держав, нежели форм «дотатарской Руси» [31, с. 125]. Историко-социологический метод удачно заменялся геополитическим. Если собственно история оставляла разночтения, то география их не оставляла. Геополитический метод давал возможность создавать самые разные параллели в истории Евразии. Монгольские армии в XIII–XIV вв. и русские армии в XVIII–XIX вв. действовали на одних и тех же территориях, а походы Карла XII и Наполеона предварялись походами персидских царей на масагетов, скифов и гуннов-эфталитов и Витовта на татар в 1399 г. [29, с. 258]. Геополитический подход давал основания делать вывод о принадлежности и сопряженности с золотоордынской геополитической системой. В состав России вошли земли улуса Джучи и существенной части Монгольской империи. Впрочем, абсолютного совпадения быть не могло, например, П.Н. Савицкий писал о том, что на Балтике у монголов флота не было, а походам А.В. Суворова или войнам 1813–1815 гг. соответствуют походы Атиллы, а не Монгольской империи. Вслед за П.Н. Савицким В.П. Никитин находил геополитические параллели в операциях армий хана Хулагу и действиях русских армий в Курдистане в годы Первой мировой войны [24, с. 47].

Геополитический метод, однако, не стал основным в признании краха юго-западного образца русской государственности и культуры, растворившейся в Литве и Польше. Включение в орбиту «латинских» государств исключило формирование там общерусского центра. Тезис П.Н. Савицкого выражался в том, что Москва, в отличие от Литвы-Польши, смогла стать объединительницей евразийского пространства [29, с. 241]. «Русскость» оказа-

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р–5783. Оп. 1. Ед. хр. 150. Советская историография евразийских народов. Л. 18.

² ГАРФ. Ф. Р–5783. Оп. 1. Ед. хр. 151. Советская историография евразийских народов. Л. 11.

лась несовместима с «латинством». «Латинство» стало непреодолимым препятствием на пути реализации юго-западного варианта русской культуры. Великое княжество Литовское могло бы также заимствовать институты от монголов, и П.Н. Савицкий писал о служилых татарах в Литве (как инструменте такого заимствования), но последняя оказалась на это неспособна именно в силу своего «латинства», а не географического исключения из круга евразийских земель. Политическая граница между Золотой Ордой и Великим княжеством Литовским стала границей между Европой и Евразией.

Таким образом, П.Н. Савицкий выделял два фактора – веротерпимость и покровительство Русской Православной церкви, и «принудительно-служилые» отношения, как составляющую часть монгольского наследия. Он мало писал о механизмах заимствования, просто констатируя факт положительного влияния установления «обязательной службы» в московском государстве и признавая, что это дало ей «огромную политическую силу» [31, с. 125]. Его основные аргументы лежали в области геополитики. Евразийское пространство стало ключевым фактором взаимодействия народов и наличия положительных последствий этого.

Н.С. Трубецкой называл «сопряжение восточного славянства с туранством» основным элементом русской истории [37, с. 351]. Московское государство возникло благодаря татарскому игу, а его свержение выразилось в замене татарского хана православным царем и перенесении ханской ставки в Москву. Этому способствовало два процесса: геополитический – подчинение земель, входивших в состав Золотой Орды и духовно-идеологический – религиозный подъем, ставший возможным именно во времена монгольского владычества, вызвавший «обрусение и оправославление татарщины» [37, с. 373]. Возросший престиж московского царя сделал возможным массовый переход татарской служилой знати. Н.С. Трубецкой указывал на решающее влияние монгольской государственности в практики административного управления. Впрочем, он оставлял эту тему для историков, указывая, что он, как лингвист и этнограф, в полной мере не может её исследовать.

Достаточно много Н.С. Трубецкой писал об укоренении на русской почве этнопсихологических черт туранского характера. Беспрекословное подчинение власти (означавшее не раболепие а подчинение высшему принципу), при соединении с Православием создавало цельную непротиворечивость социально-политической жизни. Роль церкви и Православия в жизни общества были во многом основаны на туранской психологии. Прививка туранских черт русской психике позволило Московской Руси «стать одной из обширнейших держав» [37, с. 372]. Н.С. Трубецкой выдвигал общеисторическую закономерность для развития наций, попавших под «иноземное иго», связывая его полезность и результаты с состоянием после освобождения. Два столетия монгольского ига превратили конгломерат разрозненных княжеств в «крепко сшитое» православное государство, внутренне единое в своем «бытовом исповедничестве» и готовое к внешней экспансии. Московская государственность стала плодом татарского ига [37, с. 373].

Ключевой работой евразийства по проблеме влияния монгольского ига на становление России стала брошюра Н.С. Трубецкого «Наследие Чингисхана: взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока». Как и П.Н. Савицкий, он критически оценивал политическое развитие древнерусских княжеств. Географическое положение Киевской Руси предопределяло политическую раздроб-

ленность и невозможность создания мощной государственности. Ею стала монгольская государственность, чьей наследницей выступает Россия (в том числе и в форме СССР). Государственное объединение Евразии «с самого начала являлось исторической необходимостью» [36, с. 272]. Именно география задавала эту необходимость истории. Чингисхану удалось решить задачу, поставленную природой. В то же время монгольские завоевания собственно в Азии Н.С. Трубецкой считал разрушительными для её стран и народов. Россия может называться преемницей державы Чингисхана, поскольку «инстинктивно стремилась и стремится воссоздать это нарушенное единство» [36, с. 274].

Н.С. Трубецкой повторял свои мысли о роли религии для монгольской империи. Чингисхан приближал к себе и назначал на военно-административные должности людей особого психологического склада. Монгольское завоевание породило подъем религиозной жизни, которое отразилось и в русской культуре. Однако широко присутствовали и противоположные моменты, выражавшиеся в низкопоклонстве, стремлении извлечь личную выгоду, ренегатстве. Но именно религиозно-национальный подъем становится «мощным фактором развития национального самосознания и культуры» [36, с. 284]. По мнению Н.С. Трубецкого Православие сделало возможным возрождение государственной идеи империи Чингисхана. Представители татарской знати, перешедшие в православную веру, во-первых, стали одной из опор нового государства, во-вторых, передали ей традиции и навыки монгольской государственности. В этой схеме «бытовое исповедничество» было аналогом кочевническому быту. Рассматривая конкретное содержание «монгольского наследства», Н.С. Трубецкой указывал на финансовую систему и организацию системы почты и путей сообщения как прямо перешедшую от монголов. На этом его дискурс останавливался, и он предлагал историкам еще раз обратиться к этой теме [36, с. 285].

Также как и П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой писал о «духе» монгольской государственности, заменившей примитивные представления домонгольской Руси. Этот процесс совершился при помощи актуализации византийских государственных идеалов и традиций. Таким образом, великая монгольская государственная идея переродилась в православно-русскую. Москва воплотила в своем развитии процессы, которые были порождены установлением монгольского ига. Ханы Золотой Орды «только приветствовали административную централизацию своей русской провинции» [36, с. 288]. Окончательная замена ордынского хана московским царем произошла во времена Ивана Грозного после завоевания татарских ханств – Казани, Астрахани и Сибири.

Таким образом, географические совпадения, некоторые особенности государственного устройства и идейное содержание дают возможность называть Московское царство правопреемницей монгольской государственности. Ограниченная веротерпимость Московского царства вполне соответствовала веротерпимости империи Чингиз-хана, поскольку в качестве ересей в нем воспринимались религии, не исповедовавшиеся народами, населявшими евразийские пространства. Н.С. Трубецкой замечал, что «наследие Чингисхана неотделимо от России», все территориальные приобретения, сделанные даже во время императорской России, вставшей на путь европеизации, – Крым, Кавказ, Закаспийский край, Туркестан, Восточная Сибирь – этап на пути собирания частей «евразийского улуса Чингисхановой империи» [36, с. 328].

Подобно П.Н. Савицкому и Н.С. Трубецкому, Г.В. Вернадский писал о невозможности для русских княжеств XIII в. противостоять одновременно агрессии и с запада, и с востока. В статье, посвященной Александру Невскому, он приходил к выводу о предпочтительности подчинения «культурно-политической системе» монголов в XIII в., нежели зависимости от «религиозной системы» латинского Запада. Основу первых монгольских армий составляли буддисты и христиане-несториане. Это способствовало религиозной терпимости, которая была характерна для монгольской империи в целом и даже для мусульманской Золотой Орды [7, с. 327]. Подвиг смирения Александра Невского состоял в том, что он подчинился монголам, смог сохранить Православие и подготовить почву для религиозно-культурного, а потом и политического возрождения. Г.В. Вернадский трактовал Киевскую Русь как «особый культурный мир между Европой и Азией» [7, с. 320], подвергнувшейся нападению со стороны латинской Европы и монгольской Азии. В этом его видение имеет больше сходства с П.М. Бицилли, нежели с евразийцами. Понижение статуса «культурного мира» до одного из государств на пространствах Евразии сужало её географические и культурные границы. Как историк он более аккуратно оценивал Киевскую Русь, характеризуя не её слабость и падение государственного и культурного уровня, а сложность одновременного противостояния монголам и крестоносцам. Г.В. Вернадский сравнивал деятельность Даниила Галицкого и Александра Невского, как-бы разводя их по разные стороны исторического развития цивилизаций. Даниил был воплощением ошибочности прозападной ориентации, человеком, выбравшим земную славу. Александр Невский – это совсем иное, жертвенность, подвиг смирения, и в то же время политическая прозорливость и мудрость, позволившая сохранить русскую культуру и народ. Монгольское владычество органично смотрелось в этой схеме как необходимый ресурс для будущих побед.

В другой статье Г.В. Вернадский указывал, что монгольское нашествие представляло собой такое же нашествие из глубин материка, к которому были склонны степные народы, только гораздо более сильное. Русские княжества оказались тесно связаны со степным миром и азиатскими перифериями материка [9, с. 157]. Г.В. Вернадский выстраивал геополитическую традицию, когда писал о том, что роль Рима и Византии, как объединительницы морской и степной культур перешла к монголам, объединившим Переднюю Азию и Китай со степью. Русские земли оказались включены в огромный исторический мир – от Средиземного моря до Тихого океана. Следствием этого стало открытие для русских купцов дороги в восточные земли и участие русских военных отрядов в боевых действиях золотоордынских и монгольских ханов.

Русская государственность сформировалась в той части княжеств, которая подчинилась монголам, не мешавшим культурной жизни своих провинций. Монгольская империя и Золотая Орда противостояли западным соседям русских княжеств – Литве, Венгрии и Польше – «а эти соседи были как раз и неприятелями народа русского» [9, с. 159]. Интересы Москвы и Сарая в этом совпадали. «Нападая на Литву, Сарай защищал этим русскую культуру даже тогда, когда политически уже враждовал с Москвою» [9, с. 160]. Например, победа татарского войска над Витовтом в битве при Ворскле в 1399 г. во многом способствовали остановке литовской экспансии на восток. Г.В. Вернадский выстраивал альтернативную модель эволюции политического процесса, считая, что монголы могли и слиться с русскими княжествами, как то про-

изошло в Китае или Персии. Но для этого необходимо было принятие местной религии, в данном случае Православия. Возможно, сын Батые Сартак был близок к этому, но его смерть помешала этому витку исторического развития.

Более развернутую характеристику влияния монгольского владычества на русские княжества Г.В. Вернадский представил в книге «Начертание русской истории». В ней он также указывал, что власть ханов благопритествовала Русской Православной церкви. Монголы вместе с русскими князьями сражались против западных «латинских» противников Москвы. Г.В. Вернадский отмечал общий строй евразийских государств, подчинявших своей власти большие территории, чем и объяснялась эта особенность. Наличие крепкого внутреннего мирозерцания в монгольской или российской империях, придавала государственности устойчивость. Организация евразийского государства была тесно связана с военной организацией. Смысл монгольского наследства состоял в «евразийской государственности» [10, с. 17].

После монгольского завоевания начинается языковое и культурное разделение русского народа на две ветви. Положительные стороны Г.В. Вернадский видел в развитии культурных и экономических связей с евразийскими народами и даже славянскими государствами на Балканах, также попавших в зависимость от Орды. Отпала необходимость защищаться от степных набегов, поскольку после Батые нашествия, в основном, были связаны с междукняжескими интригами. Православная церковь оказалась в более выгодных условиях, чем в юго-западных княжествах, поскольку монголы, в отличие от латинских государств, не угрожали ей. Московские князья умело использовали помощь ханов Золотой Орды для усиления своего влияния.

Г.В. Вернадский отмечал перестройку центрального и местного управления в Московском Руси под влиянием монгольских образцов. Например, земское самоуправление при Иване Грозном было основано на тех же принципах, что и монгольское управление в Южной Руси в XIII–XIV вв. [8, с. 160]. Он утверждал неоспоримость факта складывания всего строя управления, финансов, военной организации, ямской службы, стиля дипломатических документов, под влиянием монголо-татарских образцов. Посошное налогообложение было построено по образцу монгольской налоговой политики, военная организация монголов легла в основу организации московской армии. Была перенята форма и техника дипломатических документов, а также методы дипломатии. В междукняжеских отношениях монгольская власть привнесла принцип иерархичности, подчинения младших старшим. Вариант организации населения в тяглые общины под управлением баскаков, реализованный в Киевщине и на Подолье, стимулировал бояр и князей отложить распри, сплотиться и противостоять угрозе раздробления сложившейся политической организации [8, с. 150]. В целом, Г.В. Вернадский только определял проблематику, указав на отдельные заимствованные институты, но не описал конкретику этого процесса.

Таким образом, Г.В. Вернадский обозначал геополитическую традицию от кочевых держав к Монгольской империи и московскому государству. «Монгольским наследством «выступала «плоть государства» то есть земли, территории, его составлявшие. Некоторые институты управления перешли в Московское княжество, позволив создать прежнюю «евразийскую государственность». Полностью согласны с мнением А.В. Антощенко, считавшего, что отличия этих систем, Г.В. Вернадский «оставил за текстом» [1, с. 222]. Отме-

тим, что в «Звеньях русской культуры» Г.В. Вернадский уже не говорил о культурной деградации Киевской Руси и о неизбежности её захвата соседями. Он отмечал влияние восточных языков, причем заимствования касались самых различных отраслей жизни и быта. Г.В. Вернадский указывал на влияние китайской, арабской и иранской культур на право тюрко-монгольских племен. Но в вопросе рецепции права, Г.В. Вернадский призывал к осторожности, говоря, что параллели могут объясняться не нахождением на евразийском пространстве, а «логикой развития праарийских норм» [8, с. 189].

Наряду с Г.В. Вернадским достаточно большую работу, посвященную Александру Невскому написал Н.А. Клепинин. Параллельно рассмотрению ранних лет жизни князя, отдельную главу он посвятил личности Чингисхана и созданию монгольской империи. Давая характеристику курултая 1235 г., на котором принимались решения по организации западного похода, Н.А. Клепинин в подстрочном замечании указывал, что решениями этого курултая были созданы «два татарских университета» [18, с. 34]. Это неожиданная вставка не может быть объяснена ничем иным, как поиском неких аргументов против тезиса об отсталости Монгольской империи. В принципе Н.А. Клепинин повторял евразийские аргументы о вхождении северо-восточной Руси в мировую империю монголов и о «единой татарской власти», как факторе укрепления московского самодержавия. Также он писал о «наследии Византии и Киева» и «наследии Чингисхана», но при этом характеризовал особенности формирования северо-восточной Руси, характерные в силу конкретных социально-исторических условий XII–XIII вв., не связанных собственно с пространствами Евразии. Н.А. Клепинин выводил великодержавность Москвы от этих условий, «от Суздаля» [18, с. 11]. Он критиковал тех, кто недооценивал военную и политическую организацию Монгольской империи. Необходимость борьбы с Ордой спланировала русские княжества, создавала фундамент для единства. Он характеризовал деятельность Александра Невского примерно так же, как и другие евразийцы. Князь стал защитником Православия от натиска латинского Запада, полностью подчинившись Орде. Н.А. Клепинин отмечал, что татары не пытались проникнуть в быт покоренной страны и не покушались на их внутренние силы, а вот наступавшие с запада крестоносцы были готовы утвердить свое религиозное мирозерцание вместе с бытом и укладом жизни [18, с. 48].

Необходимо упомянуть и другие работы, связанные с темой «влияния монгольского ига», появившихся в евразийских изданиях. В литературе иногда обозначается принадлежность историка С.Г. Пушкирева к евразийскому движению. Но, например, Н.С. Трубецкой с сомнением относился к его кандидатуре, как автора, но уступил аргументам П.Н. Савицкого, настаивавшего на включении статьи С.Г. Пушкирева в «Евразийский Временник» [11, с. 340]. В ней он обозначал бедственное положение русских княжеств в XII–XIII вв., считая, что они стали легкой добычей татар и Литвы. Он также считал, что русские гораздо легче уживались со своими восточными соседями, а вот на западных границах шла постоянная, упорная и жестокая борьба с «латинянами». Несмотря на то, что времена татарского ига были эпохой бедствия, политика татарских ханов защищала русскую церковь [27, с. 149]. Подобную веротерпимость проявляла русская власть относительно завоеванных осколков Золотой Орды.

Особняком стоит книга Э. Хара-Давана «Чингисхан как полководец и его наследие». В литературе преобладает мнение о его большом вкладе в евразийскую концепцию. Однако он не входил в организационные структуры движения и опубликовал только две статьи на страницах евразийских изданий. Несомненно, что Э. Хара-Даван испытал огромное влияние евразийской концепции в своих работах, но наш взгляд, его было бы логичнее назвать последователем евразийства, а не непосредственным участником и идеологом. П.Н. Савицкий обозначил её, как книгу, стоящую в «ближайшей связи с идеями евразийцев и написанную ученым калмыком» [30, с. 309].

В наборе своих аргументов Э. Хара-Даван не оригинален. Он также писал о веротерпимости монголов и о защите ими Православия (в союзе с Александром Невским). Монголы создали условия для развития торговли, способствовали организации русского государства, перенявшего единообразное государственное устройство, систему почтовой службы, приемы военного искусства. Вслед за Н.С. Трубецким он отмечал положительную роль туранского психологического типа. Он также выдвинул гипотезу о влиянии Ясы на становление московской государственности. Интересно, что Э. Хара-Даван практически не использовал геополитический метод. Он писал о державе Чингисхана не как о евразийской державе, осуществивший замысел Природы, а как о развитой форме восточной цивилизации и упор в рассмотрении её положительного влияния он делал именно на этом. Он практически не упоминал термины «Евразия» и «евразийский» (говоря лишь о «евразийском нутре» русского народа в последних строках книги). Он, конечно, писал о том, что Русь была небольшой провинцией Монгольской империей, но вел эту мысль к управлению ханами на основе Ясы, а не к принадлежности к одной территории, как евразийцы. Повторим, это объясняется тем, что он не входил в евразийское движение, следовательно, был относительно свободен от евразийских догм, и брал у них лишь то, что его интересовало – проблематику Монгольской империи, как социокультурного феномена мировой истории.

Тезис о положительном влиянии монголов часто обозначался у других представителей евразийского движения, но без какого-либо развернутого объяснения или аргументации. Это влияние только констатировалось и повторялись те установки, которые были обозначены в работах Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Г.В. Вернадского [12, с. 10, 31].

Таким образом, тезис о положительном значении монгольского ига играл важнейшую роль в исторической концепции евразийства. Ключевое значение этого тезиса вытекало из идеологической необходимости обоснования незападных путей развития русской государственности. С самых первых публикаций евразийцы заняли антизападническую позицию, и она нуждалась в историческом обосновании. Такая установка автоматически ставила XIII–XV вв. русской истории в особое положение. Позитивные оценки этой эпохи и в количественном и в качественном отношении существенно превалировали над отрицательными или нейтральными.

Внимание к Монгольской империи являлось неизбежным в этой логике, и зависимость от нее должна была восприниматься именно в положительном ключе, невзирая на оговорки, присутствовавшие практически у всех евразийцев. Соответственно, определяя факты, евразийцы трактовали их с упором на эту идеологическую составляющую, акцентируя внимание на тех моментах русско-монгольского взаимодействия, которые им казались положительными,

в том числе доказывающие высокий уровень развития монгольской государственности и культуры. Однако наряду с постоянной констатацией факта положительного влияния монголов, необходимо было наполнить эти построения фактическим материалом. Евразийцы видели эти факты, во-первых, в усилении влияния Русской Православной церкви; во-вторых, в передаче институтов управления (дипломатия, армия, финансы, налоги, пути сообщения, усиление княжеской власти); в-третьих, в геополитической преемственности.

Религиозный подъем в Московской Руси, евразийцы связывали с веротерпимой политикой монголов, совместной борьбой с западными «латинскими» соседями, и с реакцией древнерусского общества на факт монгольского завоевания и принятием Ордой ислама. Православная вера заменила дух монгольской государственности на византийско-русские мотивы. Евразийцы были твердо убеждены, что Русская Православная церковь могла сохраниться и возвыситься только при веротерпимой политике монголов.

Определенная ограниченность анализа перехода институтов определялась отсутствием историков (до Г.В. Вернадского) и невозможностью сделать профессиональную оценку. Констатировался сам факт перехода институтов управления, но подробного рассмотрения их влияния не было. Это можно было бы проследить у М.В. Шахматова, но, характеризуя систему исполнительной власти на Руси, он ничего не писал ни о монгольском влиянии, ни о политике веротерпимости, указав только, что монгольское иго облагородило русские понятия о государстве, сделав из князей «страдальцев» [41, с. 57]. Это неудивительно, учитывая, что сам М.В. Шахматов не принадлежал к евразийскому движению, о чем он и сам заявлял [40, с. 1]. Н.С. Трубецкой писал П.П. Сувчинскому, что П.М. Бицилли и М.В. Шахматов не допускались ни к редактированию статей, ни к установлению направлений изданий [38, с. 67]. Анализ того, как институты управления эволюционировали на евразийской почве до перехода в Московское царство, у евразийцев почти не представлен, а там, где он есть, их эволюция не всегда определялась единым пространством. Сопоставительный анализ генезиса институтов, существовавших у самих монголов, не проводился. Полезность институтов определялась не их эффективностью, а геополитическим статусом. Положительным моментом был не сам факт заимствования, а заимствования именно у евразийской державы. Влияние Запада в целом осуждалось, как сопутствовавшее «европеизации» России. Логика концепта задавала историческую концепцию евразийства.

В силу невозможности создать более конкретную схему эволюции методов управления, принятых у евразийских народов, ключевым моментом доказывания связи монгольской державы и московского государства стал геополитический метод. Положительное значение тезиса о «монгольском наследстве» лучше обосновывалось не переходом различных институтов, а их нахождением на одном пространстве и цикличностью их эволюции. Опираясь на географию, евразийцы находили самые нестандартные параллели: Атиллы и Суворов, Батый и Паскевич, Первая мировая война и походы Хулагу казались логикой одного и того же процесса. Она была системной, поскольку система задавалась концептом «Евразия». Однако геополитический метод иногда вступал в противоречия с концепцией передачи институтов. П.Н. Савицкий отмечал ритмичность их заимствования. Например, в техническом плане, монгольское нашествие стимулировало прогресс, но П.Н. Савицкий

фиксировал его только несколько десятилетий после нашествия и, несмотря на приезд «ценных специалистов из Орды» в 1250-е гг., последующими десятилетиями «инициатива не была подхвачена» [33, с. 579].

Золотая Орда практически не отделялась от собственно монгольской империи, в большинстве случаев евразийцы ставили между ними логический знак равенства. Для евразийцев более важной была зависимость именно от империи Чингисхана, объединителя Евразии, нежели от улуса его державы, которое включало в себя даже не все евразийские земли. При раскрытии конкретно-исторических сюжетов, Золотая Орда, конечно, упоминалась. Но самые громкие цитаты из трудов евразийцев, апеллируют к Монгольской империи и Чингисхану, а не к Золотой Орде и Батю. История отношений между улусом Джучи и собственно Монгольской империей была просто лишней для евразийцев. В рамках евразийского дискурса не было необходимости как-то отделять Золотую Орду и П.Н. Савицкий указывал, что нет сомнений, что она базировалась на принципах, установленных Чингисханом³. Московская Русь получила от монголов «тело» государства, то есть его географические пределы. История в данном случае указывала на важную роль географии и провоцировала на изучение и анализ характерных географических особенностей евразийского пространства. Нельзя сказать, что историческая концепция задавала географический детерминизм евразийцев, но определенным образом на него повлияла. Такое тождество истории и географии толкало на поиски тождества в самой Евразии, что проявлялось в исследованиях П.Н. Савицкого [28, с. 1–180].

Именно геополитический метод позволил евразийцам в своих работах очень часто повторять выводы о важнейшем значении монгольского владычества. Эти выводы были представлены более широко, нежели анализ конкретного перехода систем управления. Это говорит о предзаданности евразийского дискурса, ограничивавшего и отбор фактов, и их объяснение. Тем не менее, евразийцы указывали на различные стороны взаимодействия народов и государств евразийского пространства, обозначая новые векторы изучения этого феномена. Возможно поэтому, Г.В. Флоровский назвал евразийство «правдой вопросов и неправдой ответов» [39, с. 312]. Их идеология помогала поставить вопросы исторического взаимодействия различных народов в Евразии. Они акцентировали внимание на положительных последствиях этого взаимодействия. Поэтому, несмотря на то, что в исторической концепции отразились как противоречивость самого евразийского движения, так и определенная идеологичность их положений, её можно признать весьма плодотворной. Они указывали на «восточный элемент» русской культуры, на необходимость включения региональной истории Евразии в одно целое с русской историей, на проблеме становления и эволюции русского государства. Введение в данном дискурсе вопросов изучения чингизидского наследства и взаимоотношений с Золотой Ордой было вполне удачным и не теряющим своей актуальности тезисом.

³ ГАРФ. Ф. Р–5783. Оп. 1. Ед. хр. 151. Советская историография евразийских народов. Л. 6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антощенко А.В. «Евразия» или «Святая Русь» (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории). Петрозаводск, Карельский научный центр РАН, 2003. 392 с.
2. Бирман М.А. П.М. Бицилли и евразийцы в 1922–1927 гг.: (очерки и фрагменты) // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): сб. ст. и материалов / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое лит. обозрение, 2010. С. 241–253.
3. Бицилли П. М. «Восток» и «Запад» в истории старого света // На путях. Берлин: Геликон, 1922. С. 317–340.
4. Быстрыков В.Ю. Национальный вопрос и развитие цивилизаций в работах Э. Хара-Давана // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 2 (46). С. 156–168.
5. Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М.: Памятники исторической мысли, 1997. 350 с.
6. Вахитов Р.Р. Евразийская оценка культур кочевников и их роль в русской истории // Ватандаш. 2016. № 5 (236). С. 53–65.
7. Вернадский Г. В. Два подвига св. Александра Невского // Евразийский временник. Кн. 4. Берлин: Евразийское книжное издательство, 1925. С. 318–337.
8. Вернадский Г.В. Звенья русской культуры. Берлин: Издательство евразийцев, 1938. Ч.1. 280 с.
9. Вернадский Г.В. Монгольское иго в русской истории // Евразийский временник. Кн. 5. Париж: Евразийское книгоиздательство, 1927. С. 153–164.
10. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Ч. 1. Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927. 235 с.
11. Глебов С. Евразийство между империей и модерном: история в документах. М.: Новое издательство, 2010. 630 с.
12. Евразийская хроника. Вып. 1. Прага, 1925. 43 с.
13. Евразийство: (Опыт систематического изложения). [Париж; Берлин]: Евразийское книгоиздательство, 1926. 78 с.
14. Евразийство: (формулировка 1927 г.) // Евразийская хроника. Вып. 9. Париж: Евразийское книгоиздательство, 1927. С. 3–14.
15. Евразийство: декларация, формулировка, тезисы, 1932. Прага: Издание евразийцев, 1932. 28 с.
16. Кизеветтер А.А. Евразийство // Мир России – Евразия. Антология. М.: Высшая школа, 1995. С. 315–328.
17. Кизеветтер А.А. Русская история по-евразийски // Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М.: Памятники исторической мысли, 1997. С. 341–348.
18. Клепинин Н. А. Святой благоверный и великий князь Александр Невский. М.: Стрижев, 1993. 112 с.
19. Куликов Е.А. «Наследие Чингисхана» как азиатский фактор формирования политико-правового учения евразийства // Российско-азиатский правовой журнал. 2021. № 1. С. 49–54.
20. Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М.: Наталис, 2004. 287. С.
21. Лубенский Ст. [псевд. П.Н. Савицкого] Евразийская библиография, 1921–1931: путеводитель по евразийской литературе // Тридцатые годы. Париж: Изд. евразийцев, 1931. С. 285–317.
22. Лушников О.В. Эволюция евразийской идеи в России в XVI–XX вв. // АНТРО: Анналы научной теории развития общества. Вып. 1. Пермь: Пермский гос. тех. ун-т., 2006. вып. 1. С. 110–131.

23. Милуков П.Н. Евразианизм и европеизм в русской истории // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М., 1994. С. 58–66.
24. Никитин В.П. Ритмы Евразии // Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. 9. С. 46–48.
25. Пашуто В.Т. Русские историки эмигранты в Европе. М.: Наука, 1992. 400 с.
26. Пашенко В.Я. Идеология евразийства. М.: МГУ, 2000. 448 с.
27. Пушкарев С.Г. Россия и Европа в их историческом прошлом // Евразийский временник. Кн. 5. Париж: Евразийское книгоиздательство, 1927. С. 121–152.
28. Савицкий П.Н. Географические особенности России. Ч. 1. Растительность и почвы. Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927. 180 с.
29. Савицкий П.Н. Геополитические заметки по русской истории // Начертание русской истории. Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927. Ч. 1. С. 234–260.
30. Савицкий П.Н. Евразийская библиография // Тридцатые годы. Париж: Издательство евразийцев, 1931. С. 285–317.
31. Савицкий П.Н. Евразийская концепция русской истории // Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 123–126.
32. Савицкий П.Н. Евразийство // Евразийский временник. Кн. 4. Берлин: Евразийское книжное издательство, 1925. С. 5–23.
33. Савицкий П.Н. Ритмы монгольского века // Альманах «Арабески истории». Вып. 3–4. Русский разлив. Т. 2. М.: ДИ-ДИК, 1996. С. 576–616.
34. Савицкий П.Н. Степь и оседлость // На путях. Берлин: Геликон, 1922. С. 341–356.
35. Трепавлов В. В. Золотая Орда в XIV столетии. М.: Квадрига, 2010. 72 с.
36. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана: Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Трубецкой Н.С. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 268–333.
37. Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Евразийский временник. Кн. 4. Берлин: Евразийское книжное издательство, 1925. С. 351–377.
38. Трубецкой Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому: 1921–1928. М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье», Русский путь, 2008. 384 с.
39. Флоровский Г.В. Евразийский соблазн // Современные записки. 1928. Кн. 34. С. 312–346.
40. Шахматов М.В. Евразийство и русское самобытничество // Возрождение. 06.06.1925. № 4. С. 1.
41. Шахматов М.В. Подвиг власти: опыт по истории государственных идеалов в России // Евразийский временник. Кн. 3. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1923. С. 55–80.

REFERENCES

1. Antoshchenko A.V. “Eurasia” or “Holy Russia” (Russian emigrants in search of self-awareness on the paths of history). Petrozavodsk: Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 2003, 392 p. (In Russian)
2. Birman M.A. P.M. Bitsilli and the Eurasianists in 1922–1927: (essays and fragments). Around the editorial archive of *Modern Notes* (Paris, 1920–1940): collection of articles and materials. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010 pp, 241–253. (In Russian)
3. Bitsilli P.M. East and West in the history of the Old world. *Na putyakh*. Berlin: Helikon, 1922, pp. 317–340. (In Russian)
4. Bystryukov V.Yu. The national question and the development of civilizations in the works of E. Hara-Davan. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific journal*. No 2 (46), 2023, pp. 156–168. (In Russian)
5. Vandalkovskaya M.G. Historical science of Russian emigration: eurasistic temptation. Moscow: Nauka, 1997, 350 p. (In Russian)

6. Vakhitov R.R. Eurasistic assessment of nomadic cultures and their role in Russian history. *Vatandash*. No 5 (236), 2016, pp. 53–65. (In Russian)
7. Vernadsky G.V. Two feats of St. Alexander Nevsky. *Evrasiyskiy vremennik*. Book 4. Berlin: Evraziyskoe knizhnoe izdatelstvo, 1925, pp. 318–337. (In Russian)
8. Vernadsky G.V. Links of Russian culture. Part 1. Berlin: Izdatelstvo evraziytsev, 1938, 280 p. (In Russian)
9. Vernadsky G.V. The Mongol yoke in Russian history. *Evrasiyskiy vremennik*. Book 5. Paris: Evraziyskoe knigoizdatelstvo, 1927, pp. 153–164. (In Russian)
10. Vernadsky G.V. Writing of Russian history. Part 1. Prague: Evraziyskoe knigoizdatelstvo, 1927, 235 p. (In Russian)
11. Glebov S. Eurasianism between Empire and modernity: history in documents. Moscow: Novoe izdatelstvo, 2010, 630 p. (In Russian)
12. *Evrasiyskaya khronika*. Iss. 1. Prague, 1925, 43 p. (In Russian)
13. Eurasianism: (The experience of systematic presentation). Paris, Berlin: Evraziyskoe knigoizdatelstvo, 1926, 78 p. (In Russian)
14. Eurasianism: (wording of 1927). *Evrasiyskaya khronika*. Iss. 9. Paris: Evraziyskoe knigoizdatelstvo, 1927, pp. 3–14. (In Russian)
15. Eurasianism: declaration, formulation, theses, 1932. Prague: Izdanie evrasiytsev, 1932, 28 p. (In Russian)
16. Kisevetter A.A. Eurasianism. *The world of Russia – Eurasia. Anthology*. Moscow: Vysshaya Shkola Publishers, 1995, pp. 315–328. (In Russian)
17. Kisevetter A.A. Russian history in a eurasistic way. Vandalkovskaya M.G. Historical science of Russian emigration: "The eurasistic temptation". Moscow: Nauka, 1997, pp. 341–348. (In Russian)
18. Klepinin N.A. Holy Blessed and Grand Prince Alexander Nevsky. Moscow: Strizhev, 1993, 112 p. (In Russian)
19. Kulikov E.A. "The legacy of Genghis Khan" as an Asian factor in the formation of the political and legal doctrine of Eurasianism. *Russian-Asian Law Journal*, no. 1, 2021, pp. 49–54. (In Russian)
20. Laruel M. Ideology of Russian Eurasianism, or thoughts about the greatness of the empire. Moscow: Natalis, 2004, 287. p. (In Russian)
21. Lubensky S. Eurasistic bibliography, 1921–1931: a guide to eurasistic literature. *Tritsatsiye gody*. Paris: Izdatelstvo evraziytsev, 1931, pp. 285–317. (In Russian)
22. Lushnikov O.V. Evolution of the eurasistic idea in Russia in the 16th–20th centuries. *ANTRO: Annaly nauchnoy teorii razvitiya obshestva*. Vol. 1, no. 1. Perm: Perm National Research Polytechnic University, 2006, pp. 110–131. (In Russian)
23. Milyukov P.N. Eurasianism and Europeanism in Russian history. *Evropeiskiy almanah. Istoyiya. Traditsii. Kultura*. Moscow, 1994, pp.58–66. (In Russian)
24. Nikitin V.P. Rhythms of Eurasia. *Evrasiyskaya khronika*. No. 9. Paris, 1927, pp. 46–48. (In Russian)
25. Pashuto V.T. Russian historians emigrants in Europe. Moscow: Nauka, 1992, 400 p. (In Russian)
26. Pashenko V.Ya. Ideology of Eurasianism. Moscow: Moscow University Press, 2000, 448 P. (In Russian)
27. Pushkarev S.G. Russia and Europe in their historical past. *Evrasiyskiy vremennik*. Book 5. Paris: Evraziyskoe knigoizdatelstvo, 1927. pp. 121–152. (In Russian)
28. Savitsky P.N. Geographical features of Russia. Part 1. Vegetation and soils. Prague: Evraziyskoe knigoizdatelstvo, 1927, 180 p. (In Russian)
29. Savitsky P.N. Geopolitical notes on Russian history. *Nachertaniye russkoy istorii*. Part 1. Prague: Evraziyskoe knigoizdatelstvo, 1927, pp. 234–260. (In Russian)
30. Savitsky P.N. Eurasistic bibliography. *Tritsatsiye gody*. Paris: Izdatelstvo evraziytsev, 1931, pp. 285–317. (In Russian)

31. Savitsky P.N. The Eurasistic concept of Russian history. *Kontinent Evraziya*. Moscow: Agraf, 1997, pp.123–126. (In Russian)
32. Savitsky P.N. Eurasianism. *Evraziyskiy vremennik*. Book 4. Berlin: Evraziyskoe knizhnoe izdatelstvo, 1925, pp. 5–23. (In Russian)
33. Savitsky P.N. Rhythms of the Mongolian century. *Arabeski istorii*. No. 3–4. Russkiy razliv. Vol. 2. Moscow: DI-DIK, 1996, pp. 576–616. (In Russian)
34. Savitsky P.N. Steppe and settlement. *Na putyakh*. Berlin: Gelikon, 1922, pp. 341–356. (In Russian)
35. Trepavlov V.V. The Golden Horde in the 14th century. Moscow: Quadriga, 2010, 72 p. (In Russian)
36. Trubetskoy N.S. The legacy of Genghis Khan: Not Western but Eastern perspective on Russian history. Moscow: ROSSPEN, 2010, pp. 268–333. (In Russian)
37. Trubetskoy N.S. About the Turanian element in Russian culture. *Evraziyskiy vremennik*. Book 4. Berlin: Evraziyskoe knizhnoe izdatelstvo, 1925, pp. 351–377. (In Russian)
38. Trubetskoy N.S. Letters to P.P. Suvchinskiy: 1921–1928. Moscow: Russkiy Put', 2008, 384 p. (In Russian)
39. Florovsky G.V. The Eurasistic temptation. *Sovremennye zapiski*. Book 34. 1928, pp. 312–346. (In Russian)
40. Shakhmatov M.V. Eurasianism and Russian uniqueness. *Vozrozhdenie*. No. 4, 1925, p. 1. (In Russian)
41. Shakhmatov M.V. Feat of authorities: an experience in the history of state ideals in Russia. *Evraziyskiy vremennik*. Book 3. Berlin: Evraziyskoe knigoizdatelstvo, 1923, pp. 55–80. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир Юрьевич Быстрыков – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, права и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет (443099, ул. М. Горького, 65/67, Самара, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-1164-8203. E-mail: bystryukov@pgsga.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir Yu. Bystryukov – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of General History, Law and Teaching Methods, Samara State University of Social Sciences and Education (65/67, Maksim Gorky Str., Samara 443099, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-1164-8203. E-mail: bystryukov@pgsga.ru

Поступила в редакцию / Received 10.07.2024

Поступила после рецензирования / Revised 25.11.2024

Принята к публикации / Accepted 10.01.2025